Кривенькая М.А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры ЮНЕСКО
«Международное (поликультурное)
образование и интеграция мигрантов»,
директор Центра регионоведения
и гуманитарно-образовательного сотрудничества,
Институт социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический государственный университет;
г. Москва, Россия,
ma.krivenkaya@mpgu.su

**«В душе практически русский, а снаружи – нет»:
образы мигрантов в репликах героев современной
художественной прозы**

Аннотация: статья представляет собой дискурсивный анализ реплик героев современной художественной прозы, семантически соотнесенных с образом мигрантов. Автор прослеживает, как исторически сложившиеся представления о совокупности качеств, присущих определенному лингвокультурному сообществу, преломляются в диалогах литературных героев XXI века. И, наоборот, как художественные образы, созданные авторами современной прозы, отражают позицию общества по отношению к миграционному процессу и его проявлениям.

Ключевые слова: миграционный дискурс; диалог; миграция; мигрант; имплицит.

Marina Krivenkaya,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor of the UNESCO Chair
"International education and the integration of migrants",
Director of the Center for Regional Studies
and Humanitarian and Educational Cooperation,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University;
Moscow, Russia,
ma.krivenkaya@mpgu.su

"Almost Russian at heart, but not by look": images of migrants in the heroes' speech in modern prose

Abstract: the article presents a discursive analysis of the replicas of the modern fiction heroes, semantically correlated with the image of migrants. The author traces how the historically formed ideas about the qualities inherent in a certain linguistic and cultural community are refracted in the dialogues of literary heroes of the 21st century. And, conversely, how artistic images created by authors of modern literature reflect the position of society in relation to the migration process and its manifestations.

Keywords: migration discourse; dialogue; migration; migrant; implicit

Миграционный дискурс активно проникает в современную художественную литературу. Появляется все больше произведений, сюжет которых связан с историческими периодами активного перемещения населения, с опытом взаимодействия представителей разных культур в процессе освоения новых территорий и социумов. Особенно ярко это отражают произведения, относящиеся к так называемой «мигрантской литературе», то есть созданные авторами с миграционным опытом.

Диалогические реплики героев произведений ярко высвечивают проблемное поле явления миграции, в том числе трудности, с которыми сталкиваются мигранты и представители принимающего общества. Сборный портрет мигранта и спектр представленных литературными героями суждений о последствиях миграции в целом отражают существующие в обществе мнения – как единодушные, так и оппозиционные. К сожалению, большинство диалогов современной литературы передают чувство неприятия мигрантов, восприятие их как чужих, от которых все беды общества.

(1) – *Вот вам нынешняя свобода Европы! «Железный занавес» им, видите ли, мешал. А теперь получите всеобщий бедлам и распишитесь* [8, с. 26].

(2) – [...] *Тут такое творится на районе – каждую ночь кто-то кого-то шьет.*

– *В смысле, – спросил Алексей, – шьет-то?*

– *Да гастарбайтеры эти, чуркобесы* [11, с. 389–390].

Наличие в обществе и в близком окружении людей пришлых всегда служит источником настороженности, которая при определенных обстоятельствах легко превращается в страх. Интуитивной защитой от него служит коллективное противостояние чужакам, имплицитно выражающееся в представлении своих суждений в терминах, выражающими архетипическую биполярность свой/чужой.

(3) – *Непонятно, почему вообще на тебя все эти штуки набросились, – высказался, подумав, паук Пафнутий.*

– *Ну я же был там ЧУЖОЙ, – объяснил червячок Игнатий* [3, с. 49].

(3) – *Это за что же? – спросил Кудыка.*

– *А не надо было греков пущать в государство! Время меряют, часы ладят...* [4, с. 10].

В диалогических репликах о мигрантах отражаются исторически сложившиеся представления о совокупности качеств, присущих определенному лингвокультурному сообществу. Любое отклонение воспринимается интуитивно, проявляется на имплицитном уровне, артикулируется разнообразием форм «второсортности» вновь прибывших. Стремление и необходимость преодолеть зону отчуждения формируют соответствующую манеру поведения в зависимости от целей, которые прибывшие ставят. Это путь интеграции в принимающее общество, который лежит через многие трудности и который сопровождает ощущение чувства своей второсортности.

– *Он мог бы приехать сюда.*

– *Это нелегко для взрослого человека. Новая страна, новый язык. Хотя если бы у меня была такая дочь, я бы отправился куда угодно, лишь бы быть с ней* [10, с. 501].

Импликация реплик героев современной прозы позволяет выделить признаки, которые помогают с обеих сторон преодолеть разобщение, стереть границы инаковости. Это, прежде всего, овладение языком, корреляция поведенческих паттернов, адаптация внешнего облика.

– *Может, в городе и сгодится выглядеть, как цыганка, но не здесь! Я хочу выглядеть, как все. Светлые волосы и голубые глаза. Я хочу быть шведкой!* [10, с. 50].

Интересно, что мнения представителей прибывшего и принимающего сообществ могут различаться по степени восприятия важности сохранения того или иного признака инаковости. Например, особенности внешности, которые первыми в буквальном смысле слова «бросаются

в глаза» и маркируют «чужого», могут при проявлении нейтрализующих благоприятных обстоятельств быстро потерять сигнификацию и не являться более раздражающим фактором для большинства. Обычно так происходит, если преодолены более значимые для успешной коммуникации и взаимодействия барьеры, связанные с поведенческими паттернами.

Тем не менее референция к необычной в определенных условиях внешности в диалогических репликах героев современной прозы позволяет сделать вывод об определенных закономерностях, которые напрямую связаны с присутствием в когнитивном диапазоне человека индивидуального и коллективного социального опыта. В сочетании с маркированными поведенческими моделями определенные черты внешности закрепляются в когнитивной базе представителей отдельной группы как визиотип, который отождествляет этническое происхождение с определенным родом занятий. Имплицитное представление о соответствии этнической принадлежности и рода занятий/профессии демонстрирует «иллюзорные корреляции» мигрантов с образами торговцев, разносчиков, садовников, разнорабочих. Другой пример демонстрирует устойчивое включение этнической принадлежности в образ политического эмигранта или диссидента.

(1) – [...] *Да нет, Гюнтер похож на торговца-туркмена или на турка, хозяина швармной. Или на пакистанца. В общем, он даже на Фридриха не похож. Видимо, на мать, та была откуда-то с Ближнего Востока. И одевается нарочито по-простому, «моя-твоя не понимай», и строит из себя такого... гастарбайтера. Если кто случайно видел его в доме, принимал за садовника. Хотя Гюнтер – очень образованный человек, закончил Тегеранский университет.* [8, с. 42].

(2) – *А как ты собираешься его лечить?* – спросил Колька

– *Приспособить индивид к окружающей среде.*

– *А если не приспособится?* – спросил Колька.

– *Значит, надо приспособить среду к индивиду. Пусть эмигрирует, пока не вымер.*

– *Он еврей?*

– *Нет, по-моему.*

– *Диссидент?*

– *Биологический диссидент* [9, с. 160–161].

Безусловно, самый серьезный фактор культурного отчуждения – незнание или плохое знание языка принимающего общества. Даже минимальные отклонения от фонетических или лексико-грамматических норм

языка в речи говорящего настораживают носителей языка. Ухо слушающего фиксирует присутствие в речи партнера по диалогу мельчайших особенностей, которые, даже не будучи идентифицированы, точно сообщают о том, что перед тобой чужак. Яркой тому иллюстрацией являются следующие диалогические реплики:

(1) Про устную речь:

– *Вы странно говорите...* – произнесла она в смятении, и голос ее затрепетал. – *Я не уверена, что верно вас поняла... В самом деле, как странно вы говорите! Будто иностранец* [2, с. 441].

(2) – [...] *Говорил мало и очень странно: городским правильным языком, без какого-либо акцента, а вот все-равно казался... иностранцем не иностранцем, но чужаком* [7, с. 203].

(3) Про письменную речь:

– *Почерк твердый, мужской...* – сказала Надежда. – *И какой-то... нерусский, что ли, хотя и кириллицей писано. Как будто человек полжизни до того писал готическим шрифтом* [7, с. 103].

Знание государственного языка – не только законодательное требование страны пребывания, но и ключ к появлению самого элементарного чувства доверия, эмпатии к приезжему, даже в бытовых ситуациях.

(4) – [...] *А черные – чего? Вон у меня, прошлый год, – костистая распрямила спину, став еще выше, – надо яму. Подрядились копать. Ладно, говорю, ройте. А они: бала-бала по-своему, – она замолчала, будто ожидая ответной реакции слушателей.*

– *И чего, вырыли?* – бабка в пиджаке сверкнула глазами, предвкусывая страшный рассказ.

– *Вырыть-то вырыли, – костистая признала неохотно. – А все равно. На двор выйдешь, а они: бала-бала, бала-бала... Прямо не по себе делается. Белорусы хоть говорят по-нашему...* [12, с. 67–68].

Именно на бытовом уровне, в том числе в ходе контактов с носителями других языков и представителями иных культур, формируется то, что при вербализации передается как стандартизированная информация представителей отдельного лингвокультурного сообщества. «Наивное» знание, житейский, каждодневный опыт на бытовом уровне включаются в фонд общности социальных фоновых знаний, которые являются частью когнитивной базы участников коммуникации.

Похожесть в чем-то конкретном или, что чаще всего, совокупность характеристик, которые «считываются» на имплицитном, когнитивном уровне генетической памяти представителями конкретной культурно-

языковой общности, облегчает общение и восприятие иного. Путь к сближению – емкая формула «как мы» присутствует в самых разных диалогах, но более всего характерна для реплик детей и подростков.

(1) – *Лейв теперь почти такой же, как мы, – сказала она серьезно. – Он один из нас* [5, с. 90].

(2) – *Что-то случилось? – спросила ее мама Ильва, когда мы с грохотом ворвались в гостиную.*

– *Да! – закричал я. – В Щепки переехала новая девочка. Она как мы!* [5, с. 79–80].

Вариант «как мы» может приобретать конкретику в апелляции к этническому или социальному происхождению, профессиональной принадлежности, образовательному уровню, любым другим характеристикам групповой общности – вплоть до обозначения биологического рода человека.

(3) – *Странные эти шведы, – наконец сказала она. – Какие-то толстокожие. Ничего не чувствуют.*

– *Да нет, чувствуют, – сказала Штеффи. – Просто иначе показывают свои чувства* [10, с. 116].

(4) – *Как думаешь, он опасный? – Наруа подошла к мальчику. [...]*

– *Он улыбается, как человек, – сказала она, – значит, он не очень опасный* [6, с. 31].

Разновидностью «как мы» зачастую является единство происхождения: «магия земли» проявляется в похожести привычек, вкусов, пространственная память сближает, а зов предков напоминает усвоенные с ранних лет правила землячества и добрососедства. Это особенно важно при встрече людей разного этнического происхождения, судьбы которых зачастую разведены и жизненными, и геополитическими обстоятельствами. Взаимоотношения в этом случае выстраиваются, как правило, заново и могут носить как характер ностальгического единения, так и разочарования и отчуждения, – когда люди встречаются в разном статусе и особенно если одна из сторон оказывается в положении мигранта.

Понаехавшую он по первости принял настороженно (знаем мы этих кавказцев!), потом, узнав об армянских ее корнях, смягчился, а уж когда про русскую бабушку прослышал – так и вовсе лицом оттаял.

– *Ты бы сразу сказала, что в тебе архангельская кровь течет. Прабабка моя была родом из Архангельска, так что мы с тобой в некотором роде земляки!* – *Вот и славно, – вздохнула с облегчением тетя Поля.*

– *Вот и славно, – пискнула Понаехавшая* [1, с. 78].

Примеров вербализации подобных суждений о представителях самых разных национальностей и носителей культур героями современной художественной прозы – множество. Все они с точки зрения когнитивной психологии и лингвистики строятся по одной модели. Поэтому ограничимся в данном случае примерами, в которых в качестве эталона *своего* (*нормального/типичного/понятного*) выступают русские.

В контексте мигрантского дискурса русские репрезентуются как представители принимающего общества с определенным набором характеристик, в совокупности своей представляющих для приезжих задачу постижения национального культурного кода. Следующий пример представляет собой вывод об ассимиляции в принимающем обществе в результате приобретения привычек и поведенческих, в том числе в варианте копирования стереотипов, паттернов.

– Значит так. Этот Ху Цинг давно уже живет в Москве, лет двадцать точно. **То есть практически ассимилировался. Ментально.**

– В смысле ментально? – встрепелась Настя.

– В смысле мозгами: виртуально ругается матом, опять же водочку уважает. **То есть человек в душе практически русский, а снаружи – нет.** Ну скажи по этому поводу свое традиционное, не сдерживайся! – улыбнулся он Понаехавшей.

– Мелкая твоя шовинистическая душонка! – с готовностью откликнулась Понаехавшая [1, с. 103].

Представление об успешном процессе инкультурации связано с успехом постижения и отчасти приобретения «русской души», причем не только по внешним признакам, но и в разрезе ментальных изменений «по-русски». В данном контексте интерес поиска идентичности приводит многих авторов мигрантской прозы к созданию так называемых «гибридных образов», которые возникают в рамках определенной «контактной зоны» — пространства между двумя различными культурами и языками. Признание возможности такого переходного состояния со стороны представителя принимающей культуры вербализуется в следующем примере:

Понаехавшая выводила аккуратным почерком имена родственников. Тетя Поля разворачивала бумажку, нацепляла очки, читала по слогам.

– *Нерусские какие-то имена!* – удивлялась.

– *Так ведь и я нерусская!*

– *Нет! Ты у меня самая что ни на есть русская. Только зовут тебя как-то не так. Хоть бы Ниной назвали, что ли? Я бы к тебе тогда Ниночкой обращалась* [1, с. 94].

Итак, импликация рассмотренных диалогических реплик позволяет выстроить признаки, которые помогают с обеих сторон преодолеть разобщение. Границы инаковости преодолевает узнавание в другом признаков «как мы» на уровне языка, внешности, привычек, поведенческих паттернов, эмоциональных переживаний, выражения суждений, обусловленных групповой принадлежностью и т. д. Однако стоит отметить, что такой путь – не единственный.

Отрадно, что литературные герои современной прозы демонстрируют также стремление к взаимопониманию и умение принимать другого, не отыскивая в нем признаки своего. Произведения представляют диалоги, вербализирующие принципы приятия разнообразия, которые не единственно, но во многом определяют успешные культурно-цивилизационные последствия международной миграции. Это очень простые формулы, суть которых и есть суть демократии, межнационального согласия, веротерпимости, приятия и уважения другого.

Интересной особенностью является то, что основные рецепты успеха совместного проживания разных народов вложены в уста героев детского и подросткового возраста, которые открывают в них правила жизни в социуме и своего социального поведения. Приведем несколько ярких примеров диалогов из произведений исландского, английского, шведского авторов, соответственно. Это диалоги исландского мальчика и эскимосской девочки; немецкого мальчика, сына офицера Вермахта, и еврейского мальчика-заключенного; шведской девочки и немецкой девочки-беженки:

(1) – *Давай ты будешь верить своему Богу, а мы своим духам,* – сказала она Лейву.

Лейв с ней согласился. Он знал, как безгранично эскимосы верят в свой сказочный мир духов, и не хотел навязывать друзьям свою веру [6, с. 69].

(2) – *‘Well, we’ll have to agree to disagree,’ said Bruno, who didn’t want to fight with his new friend.*

– *‘All right,’ said Shmuel* [13, с. 114].

(– *Значит, нам придется согласиться с тем, что бывают разные мнения,* – сказал Бруно, которому совсем не хотелось ссориться с новым другом.

– *Идет*, – ответил Шмуэль (перевод мой – М.К.)).

(3) – *Еврейские дети, арийские дети – какая разница?*

– *Как можно сохранить память, если будешь, как все?* [10, с. 382]

Не случайно, такими простыми, напоминающими слоганы, репликами изобилуют страницы литературы для детей и юношества. Ведь она, в отличие от «взрослой» литературы, несет особую нагрузку – воспитания толерантной личности, человека, открытого миру и уважающего его разнообразие, и, наряду с этим, ценящего свои корни, заветы предков и культурное наследие своего народа.

Литература:

1. *Абгарян Н.* Понаехавшая. М.: АСТ, 2015. 220 с.
2. *Брусникин А.О.* Беллона: [роман]. М.: Астрель, 2012. 447 с.
3. *Кротов В.Г.* Червячок Игнатий и его чаепития. 2-е изд. М.: Центр «Нарния», 2010. 144 с.
4. *Лукин Е.* Катали мы ваше солнце: [роман]. М.: АСТ: АСТ Москва; Владимир: ВКТ, 2010. 315 с.
5. *Парр М.* Вратарь и море / Пер. с норвежского О. Дробот. М.: Самокат, 2019. 296 с.
6. *Риэль Й.* Мальчик, который хотел стать человеком / Пер. с дат. Л. Горлиной. 2-е изд. М.: Самокат, 2012. 200 с.
7. *Рубина Д.* Наполеонов обоз. Кн. 1. Рябиновый клин. М.: Эксмо, 2018. 448 с.
8. *Рубина Д.* Русская канарейка. Голос: роман. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
9. *Токарева В.С.* Мои враги: [сб.]. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 317 с.
10. *Тор А.* Остров в море; Пруд белых лилий [в 2-х тт.]; [Т. 1: Кн. 1, кн. 2] / Пер. со швед. М. Конобеевой. М.: Самокат, 2016. 512 с.
11. *Уткин А.А.* Дорога в снегопад: роман. М.: Астрель: АСТ, 2011. 413 с.
12. *Чижова Е.С.* Планета грибов: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 348 с.
13. *Boyne J.* The Boy in the Striped Pajamas. London: Random House Children's Books, 2008. 216 p.

* * *